

Действующие лица, живые, мертвые и потерпевшие

1. Алиция — невероятно гостеприимная хозяйка дома.

2. Зося — подруга Алиции, приглашенная провести скучный отпуск в ее доме.

3. Павел — сын Зоси, молодой человек, только что окончивший школу.

4. Эдик — старый поклонник Алиции, приехавший по ее приглашению, но раньше назначенного срока.

5. Лешек — друг Алиции, приехавший без приглашения.

6. Эльжбета — дочь Лешека, самостоятельная молодая дама, в Дании проездом.

7. Эва — красавица полька, жена датчанина, постоянно проживающая в Дании.

8. Рой — муж Эвы, обожающий жену сверх всякой меры.

9. Анита — журналистка, ведущая весьма активный образ жизни.

10. Генрих — датский муж Аниты с ангельски спокойным характером.

11. Герр Мульдгорд — датский полицейский со знанием польского языка.

12. Казик — жертва любви к Эльжбете.

13. Тип в красной рубашке — таинственная личность, то и дело появляется по ходу действия.

14. Владя — знакомый Алиции, вроде бы приглашенный ею вместе с женой.

15. Марианна — швейцарская жена Влады.

16. Агнешка — неприятельница Эльжбеты, приглашенная Алицией вынужденно.

17. Тетя — поразительно энергичная датская старушка, вовсе не приглашенная.

18. Кенгуриха — австралийская родственница, проявляющаяся только в телефонных разговорах, зато в самое неподходящее время.

19. Грета — датская кузина Алиции, вызывающая противоречивые чувства.

20. Бобусь — сначала друг, а потом враг Алиции, прибывший из Англии.

21. Белая Глиста — любовница Бобуся, приехавшая из Польши.

22. Фру Хансен — домработница Алиции, безвинная жертва собственной фамилии.

23. Торстен — племянник Алиции, чрезвычайно приятный молодой человек.

24. Совершенно посторонний мужчина, которого просто подвезли на машине.

25. Херберт — сын знакомых Алиции, ниспосланный Провидением.

26. Анна-Лиза — жена Херберта.

27. Авторша — подруга Алиции, приехавшая по ее приглашению, но с опозданием.

Действие происходит в Дании

— «Аллерод» вовсе не значит «все красное», — раздраженно возразила Алиция. — Не понимаю, как такая идиотская мысль пришла тебе в голову.

Вот чуть ли не первые слова, какими встретила меня лучшая подруга, когда я сошла с поезда на маленькой датской станции Аллерод. Мы с Алицией стояли на привокзальной площади в ожидании такси. Умей Алиция угадывать будущее, она наверняка еще энергичнее восстала бы против моего перевода названия «Аллерод».

— А что не так? — спросила я. — «Род» — «красный», «алле» — «все».

— На каком языке, хотела бы я знать?

— На среднем между немецким и английским.

— Ах, среднем... Скажи на милость, чем набит твой чемодан?

— Твоим бигосом, твоей водкой, твоими книгами, твоей колбасой...

— А своего у тебя там ничего нет?

— Как же, пишущая машинка. «Род» означает «красное», и баста, я так решила!

— Ничего подобного! «Род» означает нечто вроде вырубки. Знаешь, такой вырубленный лес. Рос лес, а потом вырубил — и не стало леса.

Подъехало такси, шоферу удалось затолкать в машину и мой багаж, и нас с Алицией. Ехать было всего минуты три, но невероятная тяжесть чемодана совершенно исключала всякую мысль о возможности добраться пешком. А я продолжала отстаивать свою трактовку перевода.

— «Род» значит «красный», и все это знают, а о дурацкой вырубке никто не слышал. Раз не стало, то и говорить не о чем. «Аллерод» означает «все красное»!

— Сама ты красная! — вспылила Алиция. — Не веришь — посмотри в словаре и перестань молоть ерунду.

Бросалось в глаза, что подруга вообще какая-то нервная и даже чуточку агрессивная. Почему — я не успела узнать, так как время в пути у нас целиком заняло «все красное», а когда приехали, оказалось, что дом Алиции переполнен гостями и поговорить с ней нет никакой возможности. Тем более что я с ходу заразила всех своей трактовкой названия местечка и все сразу согласились. Это ухудшило и без того паршивое настроение Алиции.

— Располагайся, помойся с дороги, вообще делай, что хочешь, только оставь меня в покое, — сказала она раздраженно. — С минуты на минуту должны явиться остальные.

Остальные! Не требовалось особой наблюдательности, чтобы понять — я угодила на какое-то на редкость грандиозное сборище, вот только пока неясно: кто из гостей проживает в доме, а кто — проходящий; из проживающих же — кто приехал надолго, а кто лишь на несколько дней. Информацию я получила от Павла, сына Зоси, нашей общей с Алицией подруги. Сама Зося, невероятно замотанная, была по уши занята на кухне, и у нее не нашлось ни секунды для общения.

— Когда мы приехали, Эльжбета тут уже жила, — просвещал меня Павел. — И сейчас живет. Эдик приехал сразу же после нас, три дня назад, а Лешек сегодня утром. Приходящих четыре штуки: Анита с Генрихом и Эва с этим... как его... Роем. Алиция психует, мать психует, а Эдик пьет.

— Все время?

— Похоже, все.

— А сегодня содом и гоморра по какому случаю?

— Обмываем лампу.

— Какую еще лампу?

— Такой фонарь на длинной ножке, для садика, ну, знаешь, вроде торшера. А поставили эту лампу на террасе. Алиции на именины подарил ее, кажется, Енс, а может, еще какой родственник, хочешь не

хочешь, пришлось поставить. На террасе. Датское обмывание состоялось, сегодня наше, польское.

Прибыли ожидаемые гости, и я с радостью встрети­лась с Эвой и Анитой, которых не видела почти два года. Обе очень похорошели. По сравнению с подчеркнуто беленькой Эвой сильно загоревшая худенькая Анита с большой шапкой черных вьющихся волос выглядела мулаткой. Ее датский муж Генрих, обычно добродушный и спокойный, показался мне немного вздрюченным. Рой, датский муж Эвы, высокий, худой, очень светлый блондин, бес­престанно открывал в улыбке ослепительные зубы и смотрел на жену с еще большим обожанием, чем два года назад. Я подумала: похоже, Эва хорошеет в атмосфере окружающих ее нежных чувств, а Анита — в атмосфере скандалов и ссор. Каждой свое.

После ужина все переместились на террасу, и торжество достигло апогея. Виновница торжества светила красным светом на высоте не более метра от земли, освещая лишь ноги расположившихся вокруг нее в креслах гостей. Большой приплюс­нутый абажур, черный сверху, не пропускал вверх ни малейшего луча света, так что головы и бюсты сидящих тонули в глубоком мраке, переходящем за пределами террасы в непроглядной черноте. Эк­позиция из одних пурпурных ног, лишенных своих

хозяев, представляла весьма странное, но тем не менее эффектное зрелище.

Я подумала, что торжество по поводу новомодного светильника имело бы хоть какой-то смысл, если бы Алиция хоть минутку посидела в его свете с гостями. Ноги являлись самым выигрышным элементом ее фигуры, и Алиция имела полное право демонстрировать их по всякому поводу и без, а тут такой повод! А кто из присутствующих дам мог это сделать? Зося, Анита и Эльжбета были в брюках, Эва — в высоких лакированных сапожках, прикрытых каким-то длинным одеянием до пят. Оставалась я, но на одну меня тратить целую лампу глупо, я бы сказала — непозволительная роскошь. Так что Алиция просто обязана была посидеть с нами.

Она же тем временем без конца курсировала между кухней и террасой, с каким-то мазохистским упорством обслуживая гостей. Я изловила ее в дверях:

— Сядешь ты, наконец, когда-нибудь? Меня начинает мутить от того, что ты без конца снуешь туда-сюда! У гостей все есть, а если что и потребуется, сами принесут.

Алиция безуспешно пыталась вырваться и удалиться сразу в нескольких направлениях, бормоча при этом:

— Апельсиновый сок. Кажется, стоит в холодильнике...

— Я принесу! — вызвался Павел, внезапно материализовавшись из темноты.

— Вот видишь, он принесет, сядь, наконец, ради бога!

— Принесет, как же! Он раскроет холодильник и будет пялиться, как в телевизор. Ну, ладно, Павел, принеси сок, а в холодильнике разглядывать нечего!

Глаза Павла как-то странно блеснули, и он скрылся в дверях дома.

Дом и сад тонули в глубокой темноте. Нарушали ее лишь красный круг под торшером да свет в кухне, время от времени пробивавшийся в комнату, когда отбрасывалась портьера, прикрывающая вход.

Оттащив Алицию на террасу и затолкав ее в кресло, я уселась рядом и потребовала объяснений, чрезвычайно заинтригованная ее замечанием:

— Почему Павел обязательно должен пялиться? Что там у тебя в холодильнике такое?

Алиция со вздохом облегчения вытянула ноги и взялась за сигарету. Между креслами на террасе мы порасставляли ящики, пуфики и прочие предметы, исполняющие роль столиков, на которых разложили все, что могло понадобиться гостям.